

С. И. ПРОТАСОВА

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА В ПОСТРОЕНИИ ЭД. МЕЙЕРА

Первый том «Истории древнего мира» («Geschichte des Altertums») Эд. Мейера появился в 1884 г.; только в 1893 г. последовал второй том, охватывающий историю Греции с древнейших времен до эпохи греко-персидских войн; этому II тому в качестве добавления предпосылался I том «Forschungen zur alten Geschichte» («Исследования по древней истории»), Halle, 1892¹, в котором автор как бы вводит читателя в лабораторию предварительных штудий по наиболее спорным вопросам древнейшего периода истории Греции, требовавшим специальной критической переработки источников. В этом томе автор подробно аргументирует свою точку зрения на вопрос о «пеласагах» — древнейшем слое населения на Балканском полуострове, о происхождении ионян, дает очерк греческой хронографии и историографии²; разбирает наиболее спорные вопросы истории Спарты³ и анализирует содержание трех локрийских законов, очень важных для понимания взаимоотношений греческих полисов древней Греции⁴. Такой же порядок опубликования специальных исследований по целому ряду отдельных вопросов вводил⁵ читателя в материал III и IV томов, в которых история Греции доведена до конца V в. до н. э. Если I том предварительных исследований составлял 300 страниц, то II том занял уже 548 страниц; по содержанию он представляет собою ряд монографий по актуальным вопросам истории Греции, вернее Афин, в период расцвета их культуры: биография Кимона анализирует источники, рисующие политические и социальные отношения в Афинах этого времени. По вопросам финансов, населения и земледелия в Аттике — два специальных исследования этого тома⁶; в статьях «Herodots Geschi-

¹ Die in diesem Bande vereinigten Aufsätze bilden eine Ergänzung zum zweiten Bande meiner «Geschichte des Altertums». «Forschungen zur alten Geschichte» (Zur älteren griechischen Geschichte). Halle, 1892. Vorwort, S. II.

² «Forschungen zur alten Geschichte», Bd. I, S. 151—210. Herodots Chronologie der griechischen Sagen-geschichte. Mit Excursen zur Geschichte der griechischen Chronographie und Historiographie.

³ I. c., S. 211—286.

⁴ I. c., S. 287—316.

⁵ «Forschungen zur alten Geschichte», т. II, появились в 1899 г. а III и IV томы «Истории древнего мира» — в 1900—1901 гг.

⁶ «Zur Geschichte der attischen Finanzen im fünften Jahrhundert», I. c., S. 88—148. «Wirtschaft Bevölkerungszahl und Bodenkultur Attikas», I. c.

chtswerk» («Исторический труд Геродота») и «Thucydides» («Фукидид») дается анализ исторических трудов Геродота и Фукидида и оценка их с точки зрения источниковедения; тщательному разбору подвергнуты вопросы летосчисления древних и вытекающие отсюда проблемы античной хронологии¹; наконец, седьмой и последний экскурс этого тома является дополнением к предшествующему II тому «Истории древнего мира»; в нем автор развивает свою теорию «средневековья» в древнем мире. Кроме того, самый текст «Истории древнего мира», разбитый по параграфам, сопровождается зачастую целыми страницами мелким шрифтом набранных примечаний, ориентирующих читателя в источниках и литературе по всем затронутым в тексте вопросам. Все это мы привели здесь для того, чтобы показать, каков фундамент, на котором автор строит свой обзор истории древнего мира, какой длительный период собирания и критической разработки фактического материала предшествовал выходу из печати интересующей нас «Истории древнего мира». В задачу настоящего очерка не входит критический разбор и всесторонняя оценка этого богатого содержанием многотомного труда Эд. Мейера, одного из крупнейших историков западноевропейской буржуазной науки. Мы ставим себе задачу более скромную—раскрыть перед читателем построение этого многотомного сочинения.

«История древнего мира» Эд. Мейера («Geschichte des Altertums», Bd. I—V) первым изданием выходила в течение 1884—1902 гг. Вслед затем с 1907 г. последовало 2-е издание, потребовавшее от автора полнейшей переработки, в особенности первых томов, так как за длительный промежуток, со времени выхода из печати I тома, материалы по истории древнего мира, непрерывно возрастая, заставляли заново пересмотреть старые вопросы и ставили перед исследователем новые проблемы². Это заново переработанное 2-е издание доведено самим автором только до I-й части II тома (1928 г.); 2-я часть этого тома была подготовлена к печати также самим автором, но вышла посмертным изданием в 1931 г.; наконец, в 1937 г. вышел III том, но о нем мы будем говорить ниже, когда речь пойдет о вопросах его композиции.

Прежде чем приступить к анализу построения «Истории древнего мира», нам придется несколько остановиться на разборе вводной части этого труда, которая озаглавлена автором «Elemente der Anthropologie» («Начала антропологии»), так как некоторые формулировки введения помогут нам разобраться в самом построении «Истории древнего мира». Во введении автор в сжатой форме излагает свое историческое «credo»; оно не исчерпывает всех установок исторической концепции Эд. Мейера, и, как было сказано выше, разбор последней не составляет прямой задачи настоящего очерка. Нас будут интересовать, главным образом, те положения, которые наложили наиболее яркий отпечаток на композицию всего труда.

Введение распадается на три главы: 1) «Die staatliche und sociale Entwicklung» («Государственное и социальное развитие»); 2) «Die geistige Entwicklung» («Духовное развитие»); 3) «Geschichte und die Geschichtswissenschaft» («История и историческая наука»).

¹ «Chronologische Untersuchungen. Die Regierungszeiten der persischen und der spartanischen Könige», I. c., S. 437—511.

² «Geschichte des Altertums», Bd. I, 1, 3-е unveränderte Aufl., Stuttg.—Berl., 1910. Vorwort zur zweiten Auflage, S. VII—VIII.

Из содержания I главы ясно, что государство, по мнению автора, играет первенствующую роль в истории человеческого общества, но отнюдь не его хозяйственная структура. Раскрытие понятия государства и элементов, из которых оно складывается, поставлено автором на первом плане¹ и развито несравненно полнее, чем поставленное только на втором месте рассмотрение различных ступеней хозяйственной жизни и их влияния на культурное развитие человечества². Еще полнее и определеннее высказана эта мысль о доминирующем значении государства и политических отношений в истории в последней главе введения, где раскрываются сущность и внутреннее содержание истории, как науки; при изложении исторического процесса, говорит автор, историк должен осветить обе стороны явления: как историю культуры, так и историю политическую, но из двух этих сторон процесса политическая занимает первое место, так как личность прежде всего зависит от государства, от его структуры и от его судьбы³. Таково первое положение автора. Важно также отметить, какова его позиция по отношению к «расовой теории», на которой базирует свои построения современная фашистская историография. Эд. Мейер высказывается вообще против ходячего деления рода человеческого на основные расы, хотя и допускает возможность возникновения различных физических типов на заре появления человека. Если и было такое разделение, говорит он, то все же совершенно ясно, что человеческие расы непрерывно смешиваются в процессе исторического развития, что резкое разграничение по физическим признакам провести не удастся, да оно просто и невозможно, типичным примером чего служит население долины р. Нила. Он указывает далее на то, что языковые группы отнюдь не совпадают с физическими группами, что внутри одной и той же расы могут быть различные языковые группы, и обратно: один и тот же язык может распространяться среди совершенно различного по физическому типу населения. Все эти рассуждения заканчиваются словами: «... Многие до абсурда доведенные теории приписали расовому фактору значение, которое ему никогда не принадлежало и которое резко противоречит всему историческому опыту»⁴. Но все это так резко и определенно высказанное суждение против «расовой теории» касается только понятия физической расы; для истории, по Мейеру, совершенно безразличны чисто физические особенности, но очень важны особенности духовного склада, которые, как вытекает из всего контекста автора, выражаются в языке, а потому история имеет полное право попрежнему крепко держаться за подразделение на языковые группы, каковыми являются в истории индогерманцы, семиты и пр.⁵ Это положение также, как мы увидим ниже, наложило отпечаток на расположение материала в «Истории древнего мира».

Третьим положением, которое мы выделяем из всего содержания введения, поскольку оно важно для понимания композиции Эд. Мейера, является изложенное им во введении понятие «культурного комплекса». как результата более или менее длительного процесса взаимного влияния

¹ «Geschichte des Altertums», Bd. I, 1. Stuttg.—Berl., 3-e Aufl. (1910), S. 3—63.

² 1. c., S. 463—470.

³ 1. c., S. 197.

⁴ «... und manche ins Absurde überspannte Theorien haben dem Rassenfaktor eine Bedeutung zugeschrieben, die ihm niemals zugekommen ist und aller geschichtlichen Erfahrung ins Gesicht schlägt», 1. c., S. 77.

⁵ 1. c., S. 76.

и взаимоотношений между народами в области материальной и духовной культуры. В последней главе введения автор подробно раскрывает содержание этого понятия и устанавливает три таких культурных комплекса: первый—восточный и эллинский комплекс, который перерастает позднее в римско-эллинский; второй комплекс—христианских стран и ислама в средние века и новое время; третий крупный исторический комплекс—восточноазиатский, в который входит история Индии и Китая¹. Признавая, что этот последний все время находится в контакте с двумя первыми со времени проникновения арийцев в Индию и в эпоху персидского господства, и в эпоху Александра Македонского, затем в период эллинских монархий, в период господства Сасанидов и далее вплоть до нового времени,—он все же выделяет историю Китая и Индии из поля своего зрения, мотивируя это тем, что только в последние столетия нашего времени сношения с государствами этого комплекса привели к слиянию его с историей Западной Европы в одно историческое целое². Наконец, в последней, заключительной главе введения подробно раскрыто содержание того культурного комплекса, который охватывает историю древнего мира—это комплекс стран и народов Средиземноморского бассейна³.

Сам автор говорит следующее: история древнего мира, как всякая история отдельного культурного комплекса, составляет лишь часть целого, но она и сама по себе представляет нечто цельное, связанное внутренним единством. «Правда, история эта начинается возникновением отдельных государств и отдельных культур, но они врастают одна в другую и взаимно влияют одна на другую все интенсивнее и интенсивнее, до тех пор, пока, наконец, по крайней мере большинство из них не сливается в едином великом государстве и в единую великую культуру. Изложить это развитие составляет самую главную, самую насущную задачу истории древнего мира». Далее автор указывает на неизбежность синхронистического изложения материала для осуществления столь грандиозной задачи, но, разумеется, не механического синхронизма в духе Диодора, а такого, при котором хронологическая последовательность составляла бы основу для выявления взаимной связи и взаимного влияния исторических событий. «Nach diesem Grundgedanken ist das vorliegende Werk angeordnet»⁴.

Как известно, Эд. Мейер исключает изучение закономерности исторических явлений из задач истории⁵; по его концепции, задача историка—дать всестороннее освещение индивидуального, своеобразного, а не общего; выявление и характеристика общих закономерностей не составляет

¹ 1. с., S. 199 f.

² 1. с., S. 248. Любопытно отметить, что на стр. 248 эти три комплекса определены несколько иначе, чем на стр. 199; здесь названы не «восточный и эллинский комплекс», как там, а «восточный и греко-европейский». Такой вариант едва ли случаен. Как выделение Индии и Китая из культурного круга истории древнего мира, так и это понятие «греко-европейского» комплекса говорит за то, что автор всю историю древнего мира рассматривает под углом зрения европейца, как колыбель западноевропейской капиталистической культуры.

³ «Die beiden anderen (подраз. der orientalische und griechisch-europäische Komplexe) sind zu einer historischen Einheit verschmolzen, die wir mit einem wenigstens annähernd zutreffenden Ausdruck als den Kulturkreis der Mittelmeervölker bezeichnen können», 1. с., S. 248.

⁴ 1. с., S. 249.

⁵ См. его статьи «Zur Theorie und Methodik der Geschichte», 1902, (теперь перепечатана в «Kleine Schriften», Bd. I, 2-te Aufl. 1924); «Humanistische und geschichtliche Bildung». Vereinigung der Freunde des humanistischen Gymnasiums, Berlin, 1906, и «Geschichte des Altertums», Bd. I, 1, 3-te Aufl., S. 82 f., 173 f.; в особенности S. 186 f.

предмета истории: «Историк имеет дело с действительно существовавшими, конкретными явлениями, а не с теоретическими абстракциями¹». Такая точка зрения на задачи и предмет истории не могла не отразиться и на композиции его исторического труда. Наконец, последнее положение автора, которое необходимо иметь в виду при анализе конструкции «Истории древнего мира»,—это те страницы его введения, где он разбирает значение религии в истории культуры, отмечая ее реакционную роль как для развития культуры в целом, так и для развития личности². Он отмечает также связь религии с государством и государственной властью, но не касается ее роли в истории классовой борьбы.

Все эти установки Эд. Мейера необходимо иметь в виду при анализе и оценке композиции его труда. Задача эта трудна. В самом деле, мы должны вскрыть построение исторического труда, который начал выходить с 1884 г. и подвергался неоднократной переработке. В течение этих 50 лет историческая наука прошла огромный путь. Достаточно было бы здесь только перечислить заголовки многочисленных специальных исследований, отдельных монографий по самым разнообразным темам истории древнего мира, выпущенных за это время самим автором, не говоря уже о громадном накоплении нового материала и новых исследований как в истории древнего Востока, так и других областей древнего мира, чтобы показать, что композиция этого труда не могла оставаться одной и той же; к этому еще надо добавить, что последнее переработанное автором издание Bd. I, 2 относится к 1913 г.³, а примыкающий к нему по содержанию том II, только в первой своей части доведенный автором до конца, вышел только в 1928 г.; промежуток в 15 лет, конечно, не мог не отразиться на расположении материала в этих двух томах: наконец, вторая часть II тома вышла уже посмертным изданием и не была доведена до конца по задуманному автором плану; композиция III тома изд. 1937 г. принадлежит уже не Эд. Мейеру, а его редактору-издателю Э. Штиру, старающемуся фашизировать старого Мейера. В настоящее время к этой заново переработанной части примыкают три тома первого издания, которые вышли в начале девятисотых годов и затем переиздавались без изменений в 1913—1915 гг. При таком положении дел невольно возникает вопрос: имеем ли мы право в таком случае говорить о единой композиции этого многотомного и незаконченного автором исторического труда? И если мы отвечаем на этот вопрос положительно, то это потому, что основные положения, сформулированные автором еще во втором издании его «Введения»⁴, остались без изменения. Материал разросся до грандиозных размеров, но принцип построения остался тот же.

*

Вся история древнего мира в построении Эд. Мейера распадается на три составные части: первая часть—это история стран и народов древнего Востока со времени зарождения культуры в долинах Нила, Тигра и Евфрата до XVI в. до н. э.; вторая часть—с XVI по VI в. до н. э. и третья

¹ I. c., S. 187.

² I. c., S. 137 f.

³ «Geschichte des Altertums», Bd. I, 2, 4-te Aufl., 1921, перепечатка 3-го издания 1913 г. без изменений.

⁴ «Geschichte des Altertums», Bd. I, 1, 2-te Aufl., 1907.

часть, начиная с VI в. до н. э. по 355 г. до н. э. (вторая часть, в свою очередь, подразделяется на период с XVI в. по XII в. до н. э. и с XII в. по VI в. до н. э.)¹. Уже в этом схематическом делении материала по хронологическим периодам совершенно определенно сказалось то положение автора, по которому доминирующая роль в историческом процессе приписывается государству и политическим отношениям между народами; хронологические грани, разделяющие все изложение на три части с указанным подразделением второй части, соответствуют всякий раз тому или иному значительному политическому сдвигу в истории этих народов: нашествием гиксосов и движением других кочевых племен на рубеже XVI столетия заканчивается первая часть; великое движение народов XII в., которое потрясло и совершенно перестроило на новый лад весь комплекс средиземноморской культуры, служит рубежом между первой и второй частью II тома. Шестой век—возвышение Персидской державы и рождение новой политической силы на Балканском полуострове в лице греческих государств—служит началом третьей и последней части всего труда. Его завершением служит дата потери политического могущества Греции на Западе в IV в. Если мы после рассмотрения этой хронологической схемы перейдем к рассмотрению, как располагается материал внутри каждой из этих частей, то и здесь доминирующая роль политических отношений сразу же бросается в глаза. Наряду с этим на распределение всего материала и на построение исторического процесса повлияло и другое положение, выдвинутое автором в его «Введении». Автор не просто излагает последовательность политических событий на определенной территории и в определенных хронологических рамках, — он рисует всю сложность исторического процесса, составляющего, по мысли автора, средиземноморский культурно-исторический комплекс; пожалуй, ни в чем другом не сказалось так определенно мастерство автора, как именно в этом последовательном проведении основного положения, выдвинутого и сформулированного автором в его «Введении». От первой до последней части всего многотомного труда оба принципа проводятся последовательно и неуклонно, определяя собою основные формы всей композиции. Наиболее последовательно и стройно удается автору построить историю этого комплекса в первом томе его «Истории древнего мира» (Bd. I, 2). Здесь все построение концентрируется вокруг истории Египта, вокруг зарождения и образования государства в эпоху Древнего царства; переходная эпоха от Древнего к Среднему царству и эпоха Среднего царства составляют главную тему всего изложения; вся история Египта до XVII династии изложена в первой книге этого тома (202 стр.); во второй книге (304 стр.) излагается история народов Междуречья от зарождения культуры Шумера

¹ Первая часть в этом построении соответствует первому тому, второй его части (Bd. I, 2); о его содержании автор говорит в предисловии ко второму изданию (1909 г.): «Первая часть моей истории древнего мира... доводит развитие всех исторически известных народов средиземноморского культурного комплекса до XVI в. дохристианской эры».

Вторая часть должна была, по плану автора, во II томе, 1—2, довести историю народов Востока с XVI в. до VI в. и затем синхронистически добавить к этому в III томе историю Запада, т. е. древний период истории Греции XII—VI вв. до н. э.; эта последняя часть, следовательно, соответствовала бы II тому издания. См. предисловие Э. Штира ко II тому, 2 (1931), и III тому (1937). Третья часть, по словам самого автора в предисловии к I-му изданию III тома (1900), должна была охватить историю Запада от эпохи греко-персидских войн до потери политического значения Греции (355 г. до н. э.) и соответствует II, IV и V томам, как они вышли в I-м издании (последующие издания этих томов выходили без изменений).

и Аккада, включая историю Вавилона в эпоху Хаммураби; здесь же излагаются начальные стадии развития прилегающих к Вавилону областей—Ассирии и хеттов, вплоть до появления касситов. Таким образом, согласно основному положению о доминирующей роли политических отношений, автор дает историю двух крупнейших политических центров древнего Востока, а в следующей, третьей книге этого тома весьма искусно строятся переходные звенья к будущим новым центрам истории народов средиземноморского культурного комплекса; вводится история древнейшего населения Малоазийского полуострова: Троя, Кипр, островная культура, эгейско-критская культура; таким образом, уже в I томе история восточной части Средиземноморского бассейна входит в круг исторического построения. В этом же томе автор рассматривает проблемы родины и распространения индогерманцев; в особой главе он излагает историю отделения арийцев и заселения ими Иранского плоскогорья; таким образом, изложив в первых двух книгах историю двух крупнейших центров культуры в долине рек Нила, Тигра и Евфрата, автор затем дает очерк зарождения культуры в тех областях, которые в следующей стадии развития войдут, как составные части, в общий комплекс истории культуры Средиземноморского бассейна. Таково построение в I томе «Истории древнего мира» Эд. Мейера, в котором, как мы видели, полностью осуществлены оба основных положения, данных во «Введении»,—доминирующее значение политических форм в истории народов и освещение истории стран древнего Востока, как составной части единой истории культуры народов Средиземноморского бассейна.

Мы рассмотрели схему построения «Истории древнего мира» в целом, затем построение и распределение материала по отдельным книгам внутри I тома истории; если мы теперь посмотрим, как распределяется материал в отдельных книгах I тома по главам, то здесь мы должны будем отметить, что наряду, с проведением основного принципа доминирующей роли государства, автор последовательно проводит и другие свои положения, отмеченные нами выше; в силу поставленной им себе задачи рассматривать каждое историческое явление во всей сложной и разносторонней его индивидуальности автор не ограничивается в изложении исторического процесса одной только политической его стороной, но последовательно излагает хозяйственную структуру, развитие земледелия и ремесла, искусства, литературы и религии. Однако, если бы мы захотели проследить, в каком соотношении стоят параграфы, посвященные вопросам организации государства и хозяйственной структуры, то для истории Египта, например, в период Древнего царства, теме о государстве посвящены специальные параграфы и главы: главы I, II и III, и только в IV главе мы встречаем специальный параграф, озаглавленный «*Staat und Wirtschaft des alten Reichs*» (§ 241—248), а в следующих главах опять речь идет о государстве и политических отношениях. Характерно в этом отношении также распределение материала в параграфах, посвященных Хаммураби и его царству; из семи параграфов, занимающих 17 страниц, кодексу Хаммураби отведено 3½ страницы. Эти примеры можно было бы значительно умножить, но и приведенных достаточно, чтобы показать, как основная концепция автора и здесь отразилась на композиции «Истории древнего мира», от ее крупных до самых мелких подразделений. Остается еще отметить следующее. Своеобразное отношение к расовой теории, отмеченное нами выше, сказалось в построении I тома в том, что семиты, индогерманцы и арийцы выделены в самостоятельные темы, согласно

теории, по которой языковые группы являются показателем особой индивидуальной одаренности и способности к созданию самостоятельной высокой культуры¹, тогда как о неграх Эд. Мейер замечает мимоходом: «Здесь негры обнаружили свою неспособность использовать предоставленные им природой возможности»². При изложении религии народов древнего Востока, играющей такую выдающуюся роль в истории культуры этого периода, автор не развивает своего положения, высказанного им во «Введении» о реакционной роли религии.

Вторая часть, соответствующая, по замыслу автора, двум частям II тома³, должна была охватить историю средиземноморских стран за период с XVI в. до н. э. по XII в. в первой части (Bd. II, 1) и с XII—VI вв. до н. э. — во второй части (Bd. II, 2)⁴. Место второй части в общей хронологической схеме всего построения «Истории древнего мира» мы уже определили и возвращаться к этому не будем; нам следует только рассмотреть внутреннюю композицию этого тома в его первой и второй частях. И здесь мы можем быть кратки: принципы построения и расположения материала остаются те же, что и для I тома. Также в расположении материала автор руководствуется своей задачей дать не просто историю народов древнего Востока, а поставить их в связь с дальнейшим развитием культуры Средиземноморского бассейна. Так же, как и в первом томе, политические отношения занимают первенствующее положение во всем изложении, но при этом так же, как и в первом томе, весь исторический процесс рассматривается в его целом; но, не ограничиваясь только вопросами политической истории, автор уделяет большое внимание также и другим сторонам истории культуры, в особенности искусству. Соответственно этому располагается материал первого полутома; основным стержнем, вокруг которого группируется весь остальной материал, так же как и в I томе, служит история Египта; это следует и из расположения материала по главам, об этом же говорит и подзаголовок первой части II тома — «Die Zeit der ägyptischen Grossmacht» («Период господства великой Египетской державы»). Вокруг этого основного стержня, как сказано, группируется остальной материал. В главе III (стр. 79—162), излагающей утверждение мировой державы Египта при XVIII династии, дан обзор завоеваний и политических сношений Египта с соседями в эту эпоху; сюда входит весь комплекс стран, с которыми так или иначе связана история Египта в эту эпоху (Нубия, Ливия, Сирия и Палестина, Крит и «Нефть», Вавилония, Ассирия, Митанни, Хеттское царство). Криту и критской культуре этого времени, греческому материку и микенской культуре посвящены две отдельные главы (глава IV, стр. 162—220; глава V, стр. 221—302); специальная глава посвящена очерку культуры и религии Египта при XVIII династии

¹ «Geschichte des Altertums», Bd. I, 2, последняя, VI глава 3-й книги.

² Bd. I, 2, S. 52.

³ «Geschichte des Altertums», Bd. II, 1 (1928), 2 (1931), 2-te Aufl.

⁴ Фактически Эд. Мейер довел вторую часть этого тома только до 745 г.; следующие главы, в основном, подготовленные еще самим автором, все же не могли быть включены во II том (1931), а вышли в 1937 г. в составе III тома. См. предисловие к этому тому редактора-издателя Э. Штира. Мы считаем себя вправе рассматривать композицию этой части так, как она была задумана самим автором, т. е. включая в состав второй части I и III главы III тома посмертного издания («Das assyrische Weltreich» и «Die Restaurationszeit und die Begründung des Perserreichs»). Главу II «Die Religion Zoroasters» мы сюда не включаем, так как глава эта дана не по рукописи «Истории древнего мира», а вставлена здесь редактором-издателем из большой монографии Эд. Мейера «Ursprung und Anfänge des Christentums» (Stuttgart—Berlin, 1921).

(стр. 303—333); по этому же плану построена история следующего периода, в центре которого попрежнему Египет, но не рост его политической мощи, а постепенный упадок (главы VII—XI, стр. 334—543); так же, как и во всем изложении, наряду с политической историей уделено специально внимание и истории культуры¹. Главой XII, тему которой составляют великие переселения, конец микенской эпохи, падение царства хеттов и падение Египта, заканчивается эта часть. Композицию ее мы рассмотрели; мы видели, что принципы построения и расположения материала остались здесь те же, какие были положены в основу I тома; но та стройность и цельность, которые мы отмечали по поводу анализа построения I тома, здесь уже нарушены; сказались результаты той «истории» самой книги, о которой было упомянуто выше: между обработкой первой части II тома (1928) и появлением первого тома (Bd. I, 2, 1915) прошло 13 лет; накопившийся за это время богатый новый материал заставил автора снова вернуться к некоторым темам I тома и включить их повторено в материал II тома, в главу I (стр. 3—46)² под заголовком «Восток до начала XVI в.»; здесь снова трактуются темы истории и культуры населения Малоазийского полуострова: индогерманские хетты и возникновение Хеттского царства; царство Митанни; арийские племена Передней Азии и родина индогерманцев; опять повторяется тема о гиксосах и значении их господства в Египте; только со II главы (стр. 47—78), «Die Wiedererhebung Aegyptens und die Gründung des Neuen Reichs» («Вторичное возвышение Египта и основание Нового царства»), начинается продолжение того исторического процесса, который составлял содержание I тома.

Вторая часть II тома, по плану автора, должна была охватить материал XII—VI вв. до н. э. Композиция этой части несколько иная, чем это мы отмечали в предшествующих томах; в ней мы не найдем того основного стержня, которым служит история Египта для I тома и для первой части II тома; определяется это общей концепцией исторического процесса, как ее изложил сам автор в сжатом обзоре на страницах 3—4³. Все построение тесно примыкает к последней главе предшествующей части (Bd. II, 1), в которой излагались потрясения, вызванные великим движением народов на рубеже XII—XI столетий; они послужили рубежом всего дальнейшего политического и культурного развития средиземноморского исторического комплекса; все крупные державы предшествующей эпохи потерпели крах: крито-микенская культура, Хеттская держава, царство фараонов. Вавилон и Ассирия потеряли свое могущество, свою ведущую роль крупных политических и культурных центров, и именно потому, говорит автор⁴, что крупные державы пришли в упадок, на историческую арену выступили небольшие государства второстепенного значения: Финикия, арамеи в Сирии и Месопотамии, израильтяне в Палестине; выступают в эту эпоху и греки. История всех этих народностей (за исключением греков, историю которых автор считает более удобным изложить особым образом) и составляет содержание второй части II тома; в восьми главах этого тома

¹ Глава VIII—«Попытка проведения солярного монотеизма и реставрация ортодоксии» (стр. 380—426); глава X—«Культура эпохи Рамсесидов».

² Об этом говорит сам автор в предисловии ко второму тому «Geschichte des Altertums», Bd. II, 1 (1928), Vorwort, S. V.

³ «Geschichte des Altertums», Bd. II, 2 (1931), S. 3—4.

⁴ «Wohl aber ist, eben durch die Ohnmacht der grösseren Mächte, kleineren Völkern und Staatenbildungen der Spielraum zu freier Entwicklung und individueller Gestaltung gegeben». Bd. II, 2, S. 4.

материал располагается таким образом, что одна глава отведена истории Египта в период упадка (глава I); две главы посвящены Финикии и ее культуре; в эти же главы входит религия и культура других народностей Сирии; история Израиля до VIII в. до н. э., включая историю культуры, литературы и религии, а также экскурс в область источниковедения Израиля, занимает четыре главы этого тома. Глава VIII посвящена истории хеттов этой эпохи, арамейев и Ассирии до 745 г.; в этот же том, по плану автора, должны были войти и главы о возвышении Ассирии и об основании Персидской державы; таким образом, вторая часть в целом (Bd. II, 1—2) доводила историю Востока до зарождения и возвышения новой политической великой державы на Востоке после периода упадка старых политических центров в долине р. Нила и Месопотамии. Процессу реформирования и создания новых политических центров и посвящена эта вторая, заключительная часть II тома. Нет надобности доказывать, что и здесь все построение вытекает из тех основных положений, которые даны были автором в его «Введении». Основу изложения составляют политические отношения данной эпохи; все они рассматриваются под углом зрения истории всего комплекса Средиземноморского бассейна; наряду с историей политических отношений продолжается и рассмотрение культуры, искусства и религии соответствующих народов.

Все содержание этой второй части хронологической схемы (с XVI по VI в. до н. э.) построено таким образом: старые политические центры в бассейне Средиземного моря падают, новые возвышаются, но наряду с новой державой, Персидским царством на Востоке, на Западе также зарождаются новые политические образования—проходит процесс политических объединений и образование греческих городов-государств на Балканском полуострове. Сюда, следовательно, должен относиться и весь тот материал, который был изложен во II томе 1-го издания (1893)¹, озаглавленный: «История Запада до эпохи греко-персидских войн»—«Geschichte des Abendlandes bis auf die Perserkriege»; теперь этот материал вошел в III том посмертного издания 1937 г.; однако расположение материала в этом томе принадлежит не самому Эд. Мейеру, а его редактору-издателю Эриху Штиру; все мастерство и стройность композиции здесь явно нарушены, в угоду фашистской редакции; идеи самого Мейера получают здесь искаженное отражение. Мы поэтому будем рассматривать структуру II тома в той ее форме, какая дана самим автором в издании 1893 г. Так как, наряду с этим, содержание II тома (1893) в основном посвящено истории Греции, то будет более правильным, как нам кажется, не упуская из виду плана самого автора, по которому II том составляет вторую часть хронологической схемы всего труда, все же рассматривать его в связи с анализом построения третьей части хронологической схемы, охватывающей историю средиземноморского культурного комплекса с VI по IV в. до н. э. и соответствующей III, IV и V томам 1-го и 2-го изданий, где история Греции играет главенствующую роль и где все построение принадлежит самому автору, хотя бы и в переработанном им заново виде. После этой оговорки посмотрим, как был расположен материал автором в 1-м издании II тома. И по заголовку этого тома и по его содержанию совершенно ясно, что исторический период, изложенный автором в этом томе, рассматривается им, как переходный период от упадка политических и куль-

¹ «Geschichte des Altertums», Bd. II, «Geschichte des Abendlandes bis auf die Perserkriege» («История Запада до греко-персидских войн»); Stuttg.—Berl., 1893.

турных центров древнего Востока к возвышению новых исторических центров на Западе, т. е. принадлежит не к третьей, а ко второй части общей хронологической схемы всего построения. Композиция этого тома, несмотря на то, что он и по содержанию и по включенному в него автором материалу является после выхода 2-го издания II тома (Bd. II, 1—2; 1928—1931) уже несколько устарелым, все же заслуживает того, чтобы с ней ознакомиться. Весь том распадается на три книги; заголовок первой книги «*Griechenland unter dem Einfluss des Orients*» («Греция под влиянием Востока») сразу раскрывает перед нами замысел автора в его построении: в культурно-историческом комплексе Средиземноморского бассейна зарождается новая политическая сила—Греция, но первые страницы ее истории связаны с историей и культурой древнего Востока. Поэтому после обзора источников и новейшей литературы по истории Греции следует глава: «*Orient und Occident*» («Восток и Запад»), в которой автор излагает свою концепцию поступательного движения истории культуры от центров древнего Востока к другим областям Средиземноморского бассейна: «*Zuerst die Griechen, dann die Italiker, dann die Völker des Westens und Nordens*» («Сначала греки, потом италики, затем народы Запада и Севера»)¹. Дальнейшее содержание этой первой книги II тома мы рассматривать не будем; большая часть затронутых в ней вопросов вошла теперь по композиции новой переработки в I и II томы (Bd. I, 2, 1913; II, 1—2, 1928—1931). Вторая книга озаглавлена «*Das griechische Mittelalter*» («Греческое средневековье»); ее содержание опять построено таким образом, чтобы подчеркнуть развитие исторического процесса не только в центре истории Греции, на Балканском полуострове, но и по всей периферии бассейна Средиземного моря; так, в связи с колонизацией VIII в. рассматривается зарождение исторического развития в Италии; это—новое звено в той цепи развития, которое автор рассматривает, как единое целое. История Греции доведена в этой книге до VIII в. до н. э. Темой третьей книги является «*Der Ausgang des Mittelalters, Begründung des karthagischen und der persischen Macht*» («Исход средневековья. Основание карфагенского и персидского могущества»); по содержанию эта книга излагает историю Греции в VII и VI вв., как она развивалась на территории Балканского полуострова в политическом и культурном взаимодействии с окружающими ее государствами и народами; на востоке—с Лидийским царством, Египтом и Персидской державой; на западе—с Карфагеном и этрусками; на севере—с народами Черноморского побережья. Две последние главы этой книги построены так, что одна из них рисует соотношение политических сил накануне греко-персидских войн на востоке² (конец VI в.), другая—на западе³. В заключение можно сказать, что вся композиция этого тома сводится к тому, чтобы показать, как и какими путями в историческом комплексе Средиземноморского бассейна вырастает новая сила—Греция и ее конкуренты: на востоке—Персия, на западе—Карфаген и этруски, и тем самым определить и весь план построения последующих томов⁴.

¹ «*Geschichte des Altertums*», Bd. II (1893), S. 33.

² «*Geschichte des Altertums*», Bd. II (1893), V. «*Die Begründung des Perserreichs. Sparta, die Pisistratiden und Kleisthenes*» («Основание Персидского царства. Спарта, Писистратиды и Клеистенес»), S. 763—805.

³ I. c., VI. «*Der Westen bis auf die Perserkriege*» («Запад до эпохи греко-персидских войн»), S. 806—827.

⁴ Напомним, что по хронологической схеме построения все три следующих тома (III, IV и V) задуманы автором, как одно целое, и составляют третью часть труда, см.

Переходим теперь к рассмотрению композиции третьей, последней части «Истории древнего мира». Она, как мы знаем, охватывает III, IV и V томы и объединена одним общим заглавием «Das Perserreich und die Griechen» («Персидская держава и греки»). Отметим прежде всего: то общее, что проходит красной нитью во всем построении «Истории древнего мира», наблюдается и в этой части. Как в изложении истории Востока основным стержнем всего изложения служит история Египта, как наиболее значительной политической силы, так и теперь центром всего построения является Греция. Правда, общий всем трем томам заголовок наряду с Грецией выдвигает и Персидскую державу, даже ставит «Das Perserreich» на первое место, однако расположение материала внутри этих томов не оставляет сомнения в том, что главной движущей силой во всем историческом процессе этого периода, по мысли автора, является Греция и ее культура. Только первая из всех четырех книг этой части отведена истории народов Востока; она охватывает структуру Персидской державы при Ахеменидах, включает очерк истории и культуры входящих в состав Персидской державы народов Востока и специальную главу, в которой излагается история и культура иудейства до VIII в. до н. э. Все остальные книги этой части посвящены истории Греции; вся вторая книга¹ излагает историю борьбы греков с персами; вводная глава к этой книге дает обзор источников для истории Греции, начиная с эпохи греко-персидских войн и до Филиппа Македонского, чем опять подчеркивается как единство плана, так и единство темы во всех трех томах этой части «Истории древнего мира». Самое расположение материала во всех трех томах построено согласно обычному приему Эд. Мейера: в III томе изложение истории греко-персидских войн построено таким образом, что из всех государств Греции, принимавших участие в этой борьбе, постепенно выдвигаются две силы, развитие и конкуренция которых в будущем будет служить основной темой всего изложения,—это Афины и Спарта. Заканчивается III том очерком политических отношений и истории культуры на Западе в эпоху греко-персидских войн—Сицилия, Италия и Карфаген после битвы при Гимере (480 г.). Вся третья книга (IV том) посвящена истории Афин второй половины V в. до н. э.; афинская демократия в эпоху Перикла, культура эпохи Перикла занимают центральное место в этом томе. Здесь же изложена Пелопоннесская война, ее исход—поражение и капитуляция Афин в 404 г. до н. э. Насколько во всех этих томах, несмотря на их заголовок («Персидская держава и греки»), преобладает история Греции, можно судить и по числу страниц, отведенных на каждую из вышеуказанных тем: первая книга III тома—«Восток под властью персов»—занимает 234 страницы; вторая книга этого же тома—«Эпоха греко-персидских войн»—составляет 454 страницы; третья книга (IV том)—«Афины со времени 446 г. до капитуляции в 404 г.»—663 страницы. Книга четвертая (V том), продолжая историю Греции после Пелопоннесской войны, рисует положение греков в их внутренней борьбе между собой и в их столкновениях с соседними государствами как на

«Geschichte des Altertums», Bd. III (1915). Vorwort zur ersten Auflage, S. VIII. Bd. V, Vorwort, S. V—VI. Материал в них подразделяется на три книги (книги 1-я и 2-я составляют III том, книга 3-я—IV том; книга 4-я—V том), параграфы с III тома по V том имеют одну общую, последовательную нумерацию. Все три тома имеют один общий указатель.

¹ За III главой 2-й книги, излагающей последствия победы греков над персами, идут главы, посвященные возникновению и организации Афинского морского союза, росту демократических течений в Афинах и разрыву со Спартой; затем исходу греко-персидских войн (448 г. до н. э.) и первой войне афинян против Пелопоннеса.

Востоке, так и на Западе, заканчивая весь период 355 годом, годом падения греческой политической мощи в Сицилии. Таким образом, мы видим, что в композиции этой части хотя попрежнему сказывается влияние тех основных положений, которыми руководствовался автор в построении своего труда, однако самый материал той эпохи, в которой центром изложения становится Греция, заставляет внести изменения и в расположение материала: третья часть (томы III, IV, V), вопреки планам и намерениям самого автора¹, сформулированным им в предисловии ко II тому, вылилась в его изложении в историю Греции. Те главы, которые в этой части посвящены Италии и Риму, будущему гегемону в бассейне Средиземного моря, совершенно пропадают в бурном потоке развития истории греческой культуры, быстром росте и катастрофическом падении ее политической мощи². Можно высказать здесь с известной долей вероятности только одно предположение: нельзя забывать, что мы анализировали построение третьей части (томы III, IV, V) в ее непереработанном виде, тогда как часть первая и вторая совершенно переработаны автором в последние годы его жизни. В каком направлении последовала бы эта переработка для третьей части, мы можем судить по формулировкам, данным автором во «Введении» к его труду, когда он говорит о составных частях средиземноморского культурно-исторического комплекса: всякий раз наряду с кругом восточной и эллинской культуры он указывает на Рим и эллинистически-римскую культуру², как на завершающую процесс исторического развития древнего мира. О проведении этой именно установки и для третьей части говорят те работы, которые вышли из-под пера Эд. Мейера в последние годы его жизни: «Ursprung und Anfänge des Christentums», Bd. I—III, где большое внимание уделено истории и культуре царства Селевкидов; большая работа посвящена эпохе зарождения принципата в Риме—«Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius», 2-те Aufl., Berl., 1922, и ряд статей, вошедших во второе издание его «Kleine Schriften», I—II (1924). Таким образом, построение «Истории древнего мира» у Э. Мейера является последним словом буржуазной науки, с ее классической установкой на построение истории древности в обычных рамках цикличности исторического процесса, прослеживаемой на истории Востока, Греции и на отдельных вопросах римской жизни.

Мы видели, в какой мере основные положения его исторической концепции определили и всю конструкцию «Истории древнего мира». С этой точки зрения любопытно было бы в дополнение ко всему изложенному сопоставить композицию Эд. Мейера с композицией одной из тех буржуазных серий, которые стали выходить на Западе после мировой войны. Это сопоставление можно сделать, разумеется, с некоторыми оговорками: прежде всего, надо принять во внимание, что ни одна из этих новейших серий не может быть полностью сравнима с «Историей древнего мира» Эд. Мейера по своему построению, потому что построение «Истории древнего мира» принадлежит одному лицу,—им задумано, им и выполнено, тогда как все три серии «Histoire générale» Glotz'a, «Peuples et Civilisations»

¹ «In der That ist die übliche Zerreißung der alten Geschichte in griechische und römische Geschichte—der Orient und die hellenistische Zeit mögen stehen wo sie bleiben—und die erst in unserem Jahrhundert aufgekommene völlige Vernachlässigung der synchronistischen Behandlung eben so unberechtigt wie verhängnisvoll», «Geschichte des Altertums», Bd. II (1893), Vorwort, S. VI.

² Напомним, что на всю третью часть (томы III, IV, V) падает хронологический период с конца VI до середины IV в. до н. э., тогда как две первые части охватывают период с зарождения культуры в Средиземноморском бассейне (VI тысячелетие до н. э.) по VI в. до н. э.

Halphen'a и Sagnac'a и «Cambridge Ancient History» представляют собою груд коллективный, где отдельные части написаны различными авторами, хотя целое и задумано по одному общему плану; это, во-первых; во-вторых, все три серии имеют в виду издание всемирной истории, где история древнего мира составляет лишь часть. Эд. Мейер, конечно, рассматривал историю древнего мира также лишь как звено единой исторической цепи, но план его построения касался только древнего мира.

При сопоставлении «Истории древнего мира» Э. Мейера с тем, что дает четырёхтомная серия Альфана и Саньяка¹, обращает на себя внимание выставленное во «Введении» к серии положение, что мировая война показала такую тесную связь стран между собою в различных частях света, что надо отказаться от прежних исторических построений, которые излагали историю одной страны за тот или иной отдельный период. Наша эпоха требует связной всемирной истории. Исходя из этого основного положения и строится историческое повествование этой серии.

История древнего мира в 4 томах этой серии распадается на четыре части: «Древнейшие цивилизации» — под этим заголовком изложена история древнего Востока с древнейших времен до V в. до н. э. Материал в этом томе расположен синхронистически: для каждого хронологического периода дается история тех географических центров, которые были намечены во «Введении», как арена действий древнейших цивилизаций²; согласно этой установке в этот том входит история Шумера и Аккада, Вавилонии, Ассирии, хеттов за этот же период; эгейско-критская культура, образование Персидской державы, ее организация при Ахеменидах; в этом же томе в порядке синхронистического изложения читатель найдет историю Греции, доведенную до эпохи, непосредственно предшествующей греко-персидским войнам. В отличие от построения Эд. Мейера следует указать на большое внимание, которое для каждого района уделяется периоду праистории — эпохам каменного века и ранним периодам металла; в самом построении нет того приема, который так характерен для Эд. Мейера — выделение основного исторического стержня, который группирует вокруг себя историю менее значительных политических центров. В серии Альфана и Саньяка материал излагается эмпирически, равномерно; история Египта начинается все изложение; история народов в области Тигра и Евфрата, хронологически выступающая несколько позже, — ставится на втором месте. Преобладают в изложении государство и политические отношения, которые стоят на первом плане, затем систематически, подробно излагается религия в истории каждого народа; совершенно недостаточно внимания уделяется отношениям социальным и еще менее — вопросам хозяйственного развития. В смысле полноты фактического материала этот большой отдел истории Востока, включая и большой отдел из истории Греции, занял в данной серии 479 страниц, тогда как в «Истории древнего мира» Эд. Мейера только I том, доводящий историю до XVI в., занимает около 1 000 страниц.

II том, озаглавленный «La Grèce et l'Orient dès guerres médiques à la conquête romaine», целиком посвящен истории Греции, начиная с эпохи греко-персидских войн и до конца II в. до н. э., т. е. включая сюда и период

¹ «Peuples et Civilisations». Histoire générale, publ. sous la direction de L. Halphen et Ph. Sagnac. G. Fougère—Les premières civilisations. Avant-propos, p. V—VII.

² «Geschichte des Altertums», Bd. I, 2 (1913).

эллинизма, который в изложении Эд. Мейера отсутствовал. Хотя историю Греции излагает другой автор, но принцип в выборе материала остается тот же, со всеми вытекающими отсюда последствиями: государство и его структура занимают первое место, наряду с этим большое место отводится религии и истории культуры и весьма мало места уделено вопросам экономики; проблема рабства, рабского способа производства, выступлений рабов и социальной борьбы не затрагивается вовсе, тогда как для рассматриваемой эпохи в истории Греции эти вопросы наиболее актуальны.

III и IV томы посвящены истории Рима; в III томе «*La conquête romaine*» А. Piganiol стремится показать, как и в силу каких условий Рим осуществил задачу политического объединения стран Средиземноморья, чего не могла сделать до него ни одна из крупных держав, на это претендовавших.

Истории империи вплоть до V в. н. э. посвящен IV том серии Альфана и Саньяка; автор этого тома Е. Albertini, излагая историю империи и императоров, уделяет много внимания вопросам управления и истории провинций; поскольку в труде Эд. Мейера эта часть истории древнего мира не была еще им введена, едва ли целесообразно подробно разбирать эту последнюю часть серии для сравнения с построением Эд. Мейера. Любопытно только отметить следующее: хотя во «Введении» ко всей серии было высказано положение о необходимости построения истории не обособленного «комплекса», как строил Эд. Мейер, а всего исторического процесса в целом, однако мы видим, что Индия и Китай и здесь не вошли в историю древнего мира, хотя Albertini во «Введении» к IV тому оговаривается, что ни Индия, ни Китай не были бесплодны в истории культуры. Аналогичную оговорку делает и Р. Roussel во «Введении» ко II тому, но Рим все же доминирует над всеми другими темами: «Его учреждения, его право, его язык, его литература и его искусство имели громадное значение и во времени и в пространстве. Гегемония, сохраненная до наших дней Европой над остальным миром во всех областях мысли и деятельности, есть дело и наследие Римской империи»¹. Как мы видим, в этом коллективном труде еще более, чем в индивидуальном труде Эд. Мейера, сквозит точка зрения представителей западноевропейской буржуазии; перефразируя слова Полибия, можно сказать, что для историков этого направления задача истории сводится к тому, чтобы показать, «как и каким образом капиталистическая Европа сделалась гегемоном всего мира».

Если у Э. Мейера эта установка проводится более осторожно, без крайних формулировок, то Альбертини идет дальше и римскую историю превращает в идола современной цивилизации. Нечего говорить, что при современной ситуации автор такой концепции льет воду на мельницу фашистской историографии.

Подведем теперь итоги. Что дает нам рассмотрение приемов построения «Истории древнего мира» Эд. Мейера? Мы видели, что перед нами не механическое нагромождение фактов, а продуманное буржуазное изложение исторического процесса древнего мира; мы имели возможность убедиться, что основные положения, развитые и сформулированные автором в его «Введении», положены в основу всего труда от первой до последней его части; мы видели, как, несмотря на громадность охваченного автором материала, построение его сохраняет стройность и цельность. Все это так, все это положительные стороны, если сравнивать только с эмпирическим

¹ Е. Albertini—*Empire romain*, Paris, 1936, p. 1.

построением Альфана и Саньяка. Но известная порочность исторической концепции Э. Мейера, данная в формулировках его «Введения», обусловила крупные промахи и всего построения. Некоторые из них мы уже отметили: циклизм, построение исторического комплекса с точки зрения эгоцентризма западноевропейской культуры эпохи капитализма—Китай и Индия не включены в историю древнего мира, история народов Закавказья (халды) и северного побережья Черного моря упоминается только мимоходом. Доминирующее значение политических форм и игнорирование изучения социально-экономических факторов в историческом процессе приводят к естественной для буржуазного историка односторонности всего изложения. Самая периодизация всего построения приобретает циклический и, вместе с тем, искусственный характер, совпадая, как правило, с эпохами разрушения очагов культуры под ударами варваров.

Но эти пороки построения «Истории древнего мира» Э. Мейера не умаляют значения того колоссального материала, который привлекает автор, демонстрируя исключительное знание его по различным вопросам истории древности. В этом отношении Э. Мейер сближается с Моммзеном, к которому за материалом не раз обращается советский читатель.

«История древности» Эд. Мейера является как бы заключительным трудом буржуазной науки конца XIX и начала XX в. Несмотря на всяческие попытки в современной Германии приспособить Мейера к фашистской «науке» путем его переделок, старый труд этого маститого немецкого учёного должен быть учтен в нашей работе и обращен против фальсификаторов истории.

